

ДИАЛЕКТНЫЙ ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ И ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В последние годы в отечественном языковедении все острее осознается необходимость идеографического описания словарного состава языка [1]. Идеографический словарь или конечный продукт такого описания, группируя слова не по алфавиту, а по значениям, вскрывает системные отношения между лексическими единицами языка, создавая огромные возможности для самых различных аспектов лексикологических исследований.

Вслед за первым идеографическим словарем русского литературного языка под редакцией В. В. Морновкина [2] вышел и первый диалектный идеографический словарь Г. А. Ракова [3], отражающий лексическую систему говора села Нары Томской области.

Односистемный диалектный идеографический словарь ориентирован на выявление синхронических системных связей (гипонимических, синонимических, антонимических). Между тем идеографическая группировка диалектной лексики может быть использована для выявления не только синхронических, но и диахронических системных отношений. Именно этому аспекту использования идеографических словарей посвящена данная статья.

Противоположность синхронии и диахронии в известной мере может быть реализована в противоположности описательного и объяснительного подхода к изучению языка. Односистемный идеографический словарь не позволяет увидеть направление, в котором развивается лексическая система или ее отдельные элементы, в силу своего плюриформного характера: синхроническая лексическая система одного говора с диахронической точки зрения представляет собой срезы в длительном историческом развитии этой лексической системы, и каждый лексический элемент в ней является чем-то данным, его становление открыто от наблюдателя-синхрониста. Чтобы придать лексической системе данного говора диахроническую перспективу, необходимо оверместить эту систему с системами других говоров, что достигается в региональном или сводном идеографическом словаре. Такой словарь открывает широкие возможности для диахронического и этимоло-

гического исследования лексики. Теоретической основой для такого вывода служит положение о диалектической взаимосвязи общего и частного в развитии и функционировании языка. Отдельный говор представляет собой частную реализацию диалекта, а последний в свою очередь — региональную разновидность общепародного языка. Единство и взаимосвязь всех этих образований обеспечивается не только общностью происхождения, но и постоянным взаимодействием и взаимовлиянием на протяжении всего их развития. Поскольку "...отдельные блоки и звенья разных диалектных, хотя и близнородственных, систем могут из-за неравномерности развития отдельных уровней и компонентов уровней диалекта (языка) рассматриваться как факты, отражающие диахронический процесс, проецированный в территориально-ареальном плане" [4. С.4], совмещение лексических фактов разных говоров и диалектов в тех или иных разделах идеографического словаря позволяет в ряде случаев реконструировать диахронический процесс и обнаружить общие тенденции, действующие в развитии словарного состава тех или иных говоров и диалектов. Следовательно, если односистемный идеографический словарь ориентирован на выявление синхронических системных отношений, то региональный или сводный идеографический словарь вскрывает системные отношения в диахронии.

Для этимологии как науки, имеющей дело с процессами формирования и развития словарного состава языка, каждый диахронический факт лишь тогда имеет значение, когда вписывается в ту или иную модель построения новых словарных единиц или их трансформации. Общие модели реализуются в частных, проявлением частной модели является единичный факт. Таким образом, всякая модель есть результат обобщения. Чем больше лексических единиц вписывается в нее, тем больше объяснительная сила этой модели для этимолога. Идеографический словарь (как полный, так и дифференциальный), обобщая лексический материал, позволяет наиболее полно учитывать действующие в речи тенденции, что делает его эффективным исследовательским инструментом этимолога.

Данная статья основывается на результатах анализа черновой картотеки "Идеографического словаря русских говоров Среднего Урала", хранящейся в Уральском университете¹. Для исследования была

1. Картотека создана на базе семитомного "Словаря русских говоров Среднего Урала". Свердловск, 1964-1988.

являе лексикона народной этики, входящая в подраздел "Характер человека" раздела "Человек как разумное существо".

При анализе лексического материала, относящегося к данной идеографической группе, выяснилось, что для обозначения этических оцениваемых качеств человека в среднечуральских говорах регулярно используются оложные слова типа дэпчурмунной "ленивый", дэснорбай "ленивый человек", самодержца "самодур". Эта общая модель реализуется в более частной модели прилагательных, построенных по схеме "обозначение качества" + "обозначение части тела человека, связанной с выполнением этически оцениваемых действий": хуахуахуа, оухорухси, плохорухун "неумелый, неловкий", долгоруахун "болтун", корочарри "незаметный, незаметный", сладоруахун, лучеарри "рассеянный, невнимательный", вертоторри "нахальный, бесстыдный", динарри "непослушный, озорной", восторри "наблюдательный, проницательный", вертоторри "непоседливый, несдержанный, беззаботный", вертоторри "рассеянный, невнимательный", долготорри "упрямый, неуступчивый". Для обозначения волевых качеств человека, также имеющих этическую оценку, используется модель, где в качестве первого компонента выступает корень сам-: самодержца "поступающий по своей воле, прихоти, ни с кем не считаясь; озорный", самодержательный "овладевающий, озорный, солидный, основательный", самодержца "овладевающий, упрямый, капризный", самодержца "упрямец", самодержца "непослушный". Для обозначения этических качеств человека, связанных с процессом говорения, используется модель со вторым компонентом -бай (из бай "говорить"): дэснорбай "красноречивый", дэснорбай "ленивый, лукавый человек", оухабай "пустослов, болтун", оухабай "болтун, пустомеля".

Лексемы, реализующие ту или иную модель, представлены в различных говорах Среднего Урала. Например, дэснорбай зафиксировано в Гаринском районе Свердловской области, оухабай - в Режском, оухабай - в Суксунском районе Пермской области, дэснорбай - в центральных районах Свердловской. Определение модели для новых лексических единиц возможно, как правило, лишь при размещении данных различных говоров в тех или иных разделах идеографического словаря. Односистемный идеографический словарь такого значения не дает.

После того как модель выявлена на этимологически прозрачных лексемах, входящих в тот или иной идеографический ряд, она может быть использована для интерпретации более сложных случаев. Например, в Шадринском районе Курганской области зафиксировано слово кушпель "неповоротливый, медлительный на работе человек". В.И. Даль со знаком вопросом дает это слово как архангельское в значении "лентяй, мешон, тупиш неповоротливый". География и внешний облик слова позволяют говорить о возможности заимствования из коми языка (ор. к.-выр. куд "голый, пустой, полый" и пель "ухо"). В имеющихся словарях коми-зырянского и коми-пермяцкого языков слово не зафиксировано, но наличие в среднеуральских говорах модели "обозначение качества" + "обозначение части тела" в лексике народной этики делает предположение о внутренней форме слова кушпель достаточно правдоподобным. В среднеуральских говорах имеется и точная параллель к этому слову: подрухой "бестолковый" (ор. подой "открытый, растворенный настесь"; "ничем не покрытый; голый; не завязанный"). Значение "бестолковый", близкое к значению слова кушпель "неповоротливый, медлительный на работе человек", представляет собой развитие исходного "плохо слышащий", сохранившегося в претерпевшем некоторая фонетические изменения слове подруха. Оно отмечено в Суксунском районе Пермской области и восходит к подруха.

Если слово кушпель действительно отсутствует в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, можно предположить субстратное происхождение этой лексики в русских говорах. При этом остается нерешенным соотношение предположительно субстратного кушпель и русского подрухой. Каждое из них могло возникнуть и независимо друг от друга (ор. рус.-диал. подоголовый "пустыгловый", подоротый "разиня, ротозей, глуповатый", подорукый "у кого все валится из рук", с другой стороны к.-перм. шчапель "не слышащий слышать", трощапель "расеянный"²⁾ или в результате калькирования. Для окончательного решения недостает идеографических словарей как русского языка, так и тех языков, с которыми русский язык контактировал.

Идеографический словарь позволяет этимологу выявить не только определенные словообразовательные модели, используемые или использовавшиеся в лексической системе, но и регулярные семантичесо-

2. Диалектные факты коми-пермяцкого языка любезно сообщили нам А.С.Кривошекова-Гамтман.

кие связи между различными идеографическими рядами. Так, трансформация значения "плохо слышащий" → "бестолковый" подтверждается целой серией примеров, демонстрирующих связь между разделом "Человек как разумное существо" и разделом "Человек как живое существо" (ср. плохорукий "имеющий слабые большие руки" и "неловкий, неумелый", дажарукой и панорукой "однорукий или не владеющий одной рукой, не имеющий пальцев на руке" и "неуклюжий, неловкий", а также "рабоянный, невнимательный", исоршарой "несогласный" и "невнимательный, неловкий"). В данном случае можно говорить о существовании семантической модели "Физический недостаток" → "недостаток в характере или поведении". Идеографический словарь, обнаруживая такого рода регулярные семантические отношения между различными идеографическими рядами, иногда помогает восстановить утраченные (или нефиксированные) звенья лексической системы. Например, в среднеуральских говорах названия птиц используются для обозначения бестолкового человека, ср. донья "лесная птица" и "бестолковый человек", нады "татар-глухарь" и "бестолковый, неумелый человек". Поэтому на основании отмеченного в СРГОУ значения слова бадабан, бодабан "тупой, тугодум, глух" можно восстановить исходное значение "сокол", в настоящее время на Среднем Урале не фиксируемое (ср. также Бадабан - название нескольких оял на Среднем Урале, где в основе лежит "птичья" семантика). Аналогично для среднеуральского слова канко "бестолковый человек" восстанавливается значение "индейка" (ср. у И.И.Дали: кан, канна "индейский петух и курица").

Другая семантическая модель выявляется при анализе слов со значением "неловкий, неумелый человек, растяпа". Исходным здесь нередко является название плохой, на по росту сшитой или старой одежды или обуви, ср. армяк "сшитый из армячины крестьянский кафтан, халатом, без обер" и "растяпа", поянда "длинная некрасивая одежда" и "неуклюжий, неловкий человек", мулакер "широкий длинный кафтан" и "растяпа", макор "тряпье, изношенная одежда" и "слабохарактерный человек", отодок "старая, изношенная обувь" и "нищий человек" (ср. также коотремиев ухан "плохая обувь" и "бестолковый человек").

Такого рода семантические модели можно было бы перечислять еще долго - идеографический словарь вовлекает в сопоставительный анализ огромную массу лексического материала, обнаруживая систем-

ные отношения там, где при обычном выборочном подходе многие связи остаются открытыми. Поэтому опора на идеографический словарь дает этимологу возможность учитывать максимально большое число связей, которые оказывают влияние на форму и содержание того или иного слова. Можно сказать, что идеографический словарь позволяет перейти от атомистического этимологизирования к групповой этимологизации, т.е. этимологизации, опирающейся на выявленные в пределах тех или иных идеографических рядов словообразовательные и семантические модели. В качестве иллюстрации такого подхода дадим анализ слова ваতোла "болтливый человек".

Не приходится сомневаться в этимологической связи этого слова с известным в среднерусельских говорах глаголом вадолить "болтать, говорить вздор" и "говорить невнятно", ср. аналогичные отношения между киль "ворчуч" и килить "ворчать", барухидиха "оплетница" и барухидить "говорить вздор".

По данным СМГГ, вадолить в значении "говорить несвязно, невнятно" и "говорить пустяки, пустословить, болтать" известно лишь на Урале и в Новосибирской области. Гораздо шире распространен глагол вадолить в значении "плохо прясть; делать грубую толстую нить". Составители СМГГ подают эти глаголы как омонимичные, следовательно, не считают их этимологически связанными. Между тем, связь эта совершенно очевидна. Вадолить в значении "делать грубую толстую нить" образовано от широко известного в говорах существительного вадоба "грубая пеньковая или льняная ткань, дорожка" (поскольку ватолы ткется из грубой пеньковой или льняной пряжи, глагол вадолить стал обозначать изготовление вообще любой грубой толстой нити). Из значения "делать грубую толстую нить" вытекает значение "плохо прясть", поскольку умение сделать тонкую нить в народе рассматривается как признак высокого мастерства, ср. ср.-ур. тонкопряля "мастерица прясть" (в русской народной песне, иронически названной "Дуня-тонкопряха", неумение прясть демонстрируется указанием на слишком толстую нить: "Пряла наша Дуня / Ни толото, ни тонно. / Потошке полена. / Потоныше оглобли").

Развитие значений "плохо прясть" → "плохо говорить, болтать" представляет реализацию более общей модели семантического развития: "плохо что-либо делать" → "плохо говорить, болтать", ср. ср.-ур. варанать "делать что-либо напех, неумело, небрежно, кое-как" → "болтать, говорить пустое, врать", варимонить "делать что-либо

небрежно, недоброкачественно" → "болтать вздор", нулеисить "делать что-либо кое-как" → "болтать", нузять "делать что-либо с трудом, кое-как" → "говорить не по существу, болтать".

Однако в среднеуральских говорах развитие значения глагола ватолить "делать толстую грубую нить" могло пойти и по другой семантической модели, выявляемой с помощью идеографического словаря, а именно: "присть" → "болтать, сплетничать", ср. насуучить "наоплетничать" (от сучить "скручивать, свивать несколько прядей в одну нить"), негарусить "наговорить, наболтать" (ср. рарус "оученая, белая или цветная шерстяная пряжа, шерсть для шитья, вышиванья"), вить "сплетничать". Впрочем, семантика глагола ватолить в среднеуральских говорах ("болтать, говорить вздор" и "говорить невнятно") свидетельствует, вероятно, о смещении той и другой модели, поскольку модель "присть" → "болтать" не реализует значения "говорить невнятно", которое хорошо объяснимо при исходной семантике "делать плохо, кое-как".

Результат диахронического изменения может в свою очередь стать исходной точкой новых изменений. Благодаря диахронической цепочке ватола "грубая ткань, дерюга"-1 → ватолить "делать грубую толстую нить"-2 → "плохо присть"-3 → "болтать, говорить вздор"-4 → ватола "болтливый человек"-5 → в синхронии возникает семантическая связь двух крайних членов этой цепочки: ватола "грубая ткань, дерюга" и "болтливый человек". Такая связь в дальнейшем может индуцировать изменение семантики в том же направлении и у других существительных со значением "грубая ткань", ср., например, ср.-ур. редова "балагур, враль". В среднеуральских говорах отмечены слова редник, реднушна, редина, обозначающие грубый деревенский холст на редкой основе (В.И. Даль приводит в том же значении без указания на распространение существительное редобина). Это позволяет предположить существование на Среднем Урале незафиксированной формы редова в значении "грубый деревенский холст на редкой основе". Следует указать, что ватола "болтливый человек" и редова "балагур, враль" записаны в двух соседних районах Курганской области — Мехонском и Далматовском, что является косвенным подтверждением связи этих слов.

В заключение стоит отметить, что диалектный идеографический словарь иногда прямо позволяет воссоздать диахронический процесс в развитии той или иной лексики, поскольку в различных говорах

могут консервироваться различные ступени этого процесса. Так, в идеографическом ряду "слабоумный" логно вычленяется диахронический ряд не со всем умом → несовсемой → несомненный, причем фиксируются эти выражения в разных говорах: не со всем умом - в Сунгурском районе Пермской области, несовсемой - в Гарином районе Свердловской области, несомненный - в Нижнетагильском (сейчас Пригородном), Слободо-Туринском и Тугулымском районах Свердловской области. Направление развития можно установить, исходя из того, что выражения не со всем умом и несовсемой вписываются в семантическую модель "нечеткий" → "слабоумный", существующую в среднерусских говорах, ср. неполной "слабоумный", недовольной "слабоумный" (ср. также прост. у него не хватает - о слабоумном, психически ненормальном человеке), тогда как несомненный в этом отношении остается изолированным фактом.

Таким образом, диалектный идеографический словарь можно рассматривать как подготовительный этап в создании диалектного этимологического словаря. Известный атомизм лексикографического описания в идеографическом словаре максимально преодолевается совмещением в идеографическом ряду слов разных говоров, обнаруживающих не только семантическую, но и формальную близость. В ряде из случаев удается совместить и диахронически связанные факты.

Источники и литература

1. См.: Морковкин В.В. Идеографические словари. М., 1970; Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
2. Лексическая основа русского литературного языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. В.В.Морковкина. М., 1984.
3. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988.
4. Толстой Н.И. Диалектология в этнолингвистической перспективе // Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.